

Кудрявцева. — 2000. —
3-9 февр. — с. 9

Дело мавра

“Отелло” в Театре Российской Армии

Может быть, и начать с того, что в труппе режиссера Бориса Морозова есть актер Дмитрий Назаров, человек, который может сыграть Отелло? Аргумент, между прочим, весомый. По крайней мере, с исторической позиции, ибо в современной театральной практике мы, безусловно, насмотрелись великих пьес, где заглавную роль играет свита. С этой точки зрения кажется, что Морозов возвратился к неким пратрагическим ценностям. Впрочем, с других точек — тоже так кажется.

Замечательная в своей эпической силе декорация Иосифа Сумбаташвили дает, тем не менее, фон — не действительную среду. То есть нет, конечно, ни Венеции, ни Кипра, на заднике что-то горное, с безднами и кручами, что-то дико первозданное. Посередине сцены — помост, над ним занавесом свисает сеть. Но у нелепо огромной сцены Театра Армии в этом спектакле нет глубины. Персонажи общаются “фронтально”, все — в рядок. У костюмов — белый фасад и черные спины. Когда Яго поворачивается боком к зрителям, возникает странный оптический эффект — у этого человека будто бы нет объема, он двухмерен: только длина и ширина. Вообще облик спектакля двухмерен, и русского зрителя, привыкшего искать в истории венецианского мавра бездонные глубины, берет некоторая досада.

Брабанцио, отец Дездемоны (Г.Крынкин), Кассио (В.Разбегаев), Эмилия (Е.Глушенко), да и сама Дездемона (Е.Климова), как бы хорошо ни играли, играют свиту. С чем, в конце концов, можно было бы смириться. Но Яго! О, эта мечта отечественного артиста — сыграть мерзавца, добровольно приняв на себя адвокатскую миссию! Искать в наигнуснейших поступках глубоко запрятанные мотивы личного несчастья и подлинного страдания. В спектакле Б.Морозова актеру А.Михайлушкину не дано на все эти антимонии никакого шанса. На самом деле в морозовской версии “объемный” Яго вовсе не надобен. Подозреваю, что поручик здесь — очевидная функция зла, та самая спичка, которая поджигает бикфордов шнур. Его коварные замыслы звучат в микро-

фон, он, выхваченный лучом света, “a parte”, в зал сообщает о следующем своем злокозненном предприятии. Это зачем? А затем, что сюжет стремительно движется к жуткой развязке, что все задуманное получается на удивление легко. Уж очень горячий материал — этот Отелло.

Право слово, пушкинское мнение о мавре: “Он не ревнив, он доверчив”, — окончательно сбило с толку целые поколения зрителей. Мы так любим Пушкина, что едва не ополумели вконец, справляя его юбилей. Мы так ему верим, что не допускаем и мысли: наш почти мавр мог ошибаться насчет мавра венецианского. Снедаемый тем же мощным недугом, он принимал желаемое за действительное.

В русской сценической традиции, как утверждают сведущие люди, трагедия Отелло проецируется на трагедию нашей интеллигенции, последняя отождествляется с ней свои собственные беды. На наших сценах гипотетическая измена Дездемоны становилась для высоко мыслящего Отелло крахом идеала, потерей духовного ориентира. Добавим сюда тему изгоя. Герой черен, а все вокруг белое. Но российский интеллигент всегда ощущал себя “белой вороной” (каламбур в данном случае не имеет значения). Отелло “не такой”, “другой” — вот что бывало необыкновенно важно. Ему за это мстили, он из-за этого страшно ошибался. В то время как на сценах Западной Европы мог появиться Отелло-дикарь, в наших театрах трагические заблуждались большие и благородные дети. С кого спрос? С Пушкина, как водится. Пожалуй, лишь Александр Блок рассудил иначе: “На свете сейчас больше, чем когда-либо, бессмысленных солдат со здоровыми кулаками, а также клеветников и мерзавцев, которые по малому поводу, больше “ради искусства”, клеветят и творят свои мерзости”. Вот его-то мысль и взял на вооружение Б.Морозов. Даже привел ее в программке спектакля. Дмитрий Назаров, конечно же, играет дикаря. Сильного, породистого, честного и прямого. Отважного вояку, нежного влюбленного льва. Им любуешься, но что-то неприятно щекочет

подсознание при первом же его появлении. В осанке и выражении лица есть нечто... не надменное, нет, скорее непробиваемое. Потом сцена с офицерами, устроившими пьяный шум. Генерал Отелло кричит на них так, что делается жутко, кажется, перед нами не благородный командир, а грубый солдафон, с которым шутки плохи. Первый же диалог с Яго подтверждает догадку. Отелло верит с ходу! Перед нами персона, привыкшая воевать, а не думать. Экземпляр угрожающих размеров и немыслимого темперамента. Здесь не могу удержаться и не всплеснуть руками. Темперамент актера Назарова столь же удивительно мощный для наших холодных театральных широт, сколь и непостижимо естественный. Ни малейшего наигрыша! Бывает, его Отелло в спектакле рычит, плачет настоящими слезами, а в финале так просто воеет и орет, как смертельно раненный лев. И все — правда, никакой фальши. Подслушав диалог Кассио и Яго, Отелло висит на “дереве”, подобно большой обезьяне. Его реакции так по-животному просты и бесхитростны, что в зале раздается смех. Закалывая умирающую Дездемону, он производит точный, профессиональный удар.

Взаимоотношения Яго и Отелло выстроены на притчевой основе. Это диалог чистого зла и зловеще простодушной к нему готовности. Расовая тема пробалтывается в монологе Яго так же походя, как тема крушения идеала в словах Отелло. Яго — сосуд, априори наполненный ядом, и в такой трактовке образа А.Михайлушкин играет безупречно. Отелло — сосуд пустой, готовый принять любой кусок предложенный наполнитель. Победитель на фронтах, этот мавр не умеет жить по законам мира, куда более изощренным. Простые параллели-перпендикуляры морозовского спектакля внезапно обнаруживают удручающе современную перспективу. Увы, люди, по обыкновению, склонны верить самым диким разговорам, нежели дать себе труд подумать. Важнейшим из искусств является искусство манипуляции людским сознанием.

Дмитрий Назаров играет Отел-

ФОТО И. ГИТЕРМАНА

Сцена из спектакля. Отелло — Д.Назаров

ло изумительно. Этот негибкий, жестокий человек вызывает не меньше сочувствия, чем столько раз виденные, наивные и благородные. Сидит подле мертвой Дездемоны, как неразумное дитя, поправляет на ней одежды, долго и аккуратно складывает злосчастный платок, смотрит куда-то невидящими, полными звериной тоски глазами...

Морозов поставил некий прасюжет шекспировской трагедии (ведь берут из них начало многие его пьесы, “Лир”, например). Не де-

лая купюр, но спрямляя линию и отсекая рефлексирующие материи, он рассказал историю о том, как легко цепляет зло, как просто отпустить пружину агрессии и как много вокруг статистов, которые не в силах ничего предостеречь.

Дмитрий Назаров играет Отелло так, будто возвращает нас к пратрагедии, когда труппу набирали, исходя из того, что будет кому сыграть в трагедии заглавную роль.

Наталья КАМИНСКАЯ